Дюк (2)

Снаряжался Дюк Степанович, княженецкий сын,
Из славного богатого Волын-города,
Из тоя Индеюшки богатыя;
Снаряжался Дюк во стольно Киев-град,
Посмотреть хоти́т на князя на Владимира
И на русских на могучих на бога́тырей.
Говорит ему родна матушка,
Честна вдова Настасья Васильевна:
«Молодой Дюк Степанович, княженецкий сын!
Хоть ты сряжаешься во стольно Киев-град,
Посмотреть хоти́шь на князя Владимира
И на русских на могучих на богатырей,
А охвочь ты упиваться в зелено вино:
Так ты не хвастай-ка своим художеством[1]
Супротив русских могучиих богатырей».
    Садился Дюк на добра коня,
То он ехал по раздольицу чисту полю
Ко славному ко городу ко Киеву.
И приехал к князю ко Владимиру на широкий двор,
Вшел-то он в палаты белокаменны,
Крест-от он клал по-писаному,
Поклоны вел по-ученому,
На все на три, на четыре на сторонки поклоняется,
И спросил-то он про князя про Владимира.
Владимира-то в доме не случилося:
Ушел-то князь Владимир во божью́ церкву́,
Господу Богу помолитися,
Ко господнему кресту приложитися.
Идет Дюк Степанович, княженецкий сын,
По славному по городу по Киеву.
И заходил он во матушку во божию церкву,
Крест-от он кладет по-писаному,
Поклоны ведет по-ученому,
На все на три, на четыре сторонки поклоняется,
Самому князю Владимиру в особину

И всем его князьям подколенныим.
По праву́ руку Владимира
Стоит молодой Добрынюшка Никитинец,
По леву́ руку Владимира
Стоит Чурилушка Пленкович.
Владимир-князь стал у молодца выспрашивать:
«Ты скажи-тко, молодец, поведай-ка,
Ты коёй орды, да из коей земли,
Тобя как-то молодца именем зовут,
Звеличать нам удалого по отечеству?»
Отвечает Дюк Степанович, княженецкий сын:
«Есть я из Галицы проклятыя,
Из тоя Индеюшки богатыя,
Со славного с богата Волын-города,
Молодой Дюк Степанович, княженецкий сын».
Говорит Чурила таковы слова:
«Ай же ты, Владимир стольно-киевский!
Во глазах мужик-то усмехается,
Во глазах-то он да подлыгается:
Походочка-то есть в нем не Дюкова,
Поговорюшка не Дюкова,
Должен быть холопина дворянская».
Это слово Дюку не слюбилося,
Не слюбилося то слово, не к люби пришло.
Оны Господу как Богу помолилися,
Как господнему кресту приложилися,
Выходили-то со матушки со божьей церквы,
То пошли оны по городу по Киеву, —
Молодой Дюк Степанович, княженецкий сын,
Стал загадочки Владимиру отгадывать2,
Говорил-то Дюк да таковы слова:
«Владимир, князь стольно-киевский!
Ощé в Киеве у вас все не по-нашему:
У вас настланы мостоички кирпичные
И порученки3 положены калиновы;
Пойдешь по мосточикам кирпичныим,
Медное гвоздье-то приущиплется,
Цветное-то платье призабрызжется.
Как во нашей во славной Индеюшки в богатыя

И во славном богатом Волын-городе,
У моей у родителя-матушки,
У честной вдовы Настасьи у Васильевны
Настланы у нёй мосточики калиновы,
Поручики положены серебряны,
И настланы-то у ней сукна кармузинныя:
И пойдешь по мосточикам калиновым,
По этыим по сукнам кармузинныим,
Медное гвоздье не ущиплется,
Цветно платьице на нас да не забрызжется».
К тым речам Владимир-князь не примется.
Как вошли оны в палаты белокаменны
Ко ласкову ко князю ко Владимиру
И во этыя во гредни во столовыя,
И садился за столики дубовые
И за тыя за скамеечки окольныя,
Стали исть-то еествушку сахарнюю,
Подносили калачиков им пшенныих.
Дюк Степанович, княженецкий сын,
Берет калачик в руки пшенныий,
Корочку кругом кусал,
А середочку-то он кобелям бросал.
Сам он говорил таковы слова:
«Владимир, князь стольно-киевский!
У вас все в Киеве не по-нашему:
Сделаны-то бочечки дубовыя,
И набиваны обручики еловые,
И положено-то свежей ключевой воды, —
Тут у вас и калачики месят;
Покладены-то печечки кирпичныя,
Топлены-то дровца еловыя,
Поделаны помялышки сосновыя, —
Тут у вас и калачики пекут.
Как во нашей в Индеюшки богатыя
И во славном во богатом Волын-городе,
У моей у родителя у матушки,
У честной вдовы Настасьи у Васильевны,
Сделаны-то бочечки серебряныя,
И обручики набиты золоченые,

И положено медов туды стоялыих, —
И тут у ней калачики месят;
Поделаны-то печечки кирпичныя,
И топятся дровца дубовыя,
И сделаны помялышки шелковыя,
И тут у нас калачики пекут».
Влдимир-князь ко этым речам не примется.
Подносили им хмельные напиточки,
Наливали чару зелена вина,
Подносили-то к Дюку Степановичу;
Дюк Степанович, княженецкий сын,
Берет-то эту чарочку во белы руки,
Подносил он ко устам сахарниим;
Эта водочка ему не понравилась,
Через золот стул всю повыплескал
По той по славноей по горенке,
Сам он говорил да таковы слова:
«Ты Владимир, князь стольно-киевский!
У вас в Киеве все не по-нашему:
У вас бочечки поделаны дубовыя,
Набиваны обручики еловые,
Туды водочкой винцё у вас положено,
И во этыих во погребах глубокиих
Водочкой винцё-то призадохнулось.
Как во нашей в Индеюшки богатыя
И во славноем богатом Волын-городе,
У моей родителя у матушки
У честной вдовы Настасьи у Васильевны,
Сделаны-то бочечки серебряныя,
И обручики набиты золоченые,
Туды водочкой винцё у ней положено,
И на цепи на медныя повешено,
Туды подведены ветры буйные:
Как повеют ветры буйные,
Пойдут воздуха по погребам, —
Никогда там водочкой винцё не задохнется:
Как чарочку-то выпьешь,
По другой душа горит».
Владимир-князь ко этым речам он не примется.

Ко этыим ко столикам дубовыим
Подходит Чурилушка Пленкович
В одной тонкой рубашечке без пояса,
В одних тонкиих чулочиках без чоботов.
Говорил ему Чурила таковы слова:
«Что же ты, холопина дворянская, порасхвастался
Своим именьем и богачеством?
Ударим-ка со мною о велик заклад
На три году поры-времени,
Чтоб проездить нам по городу по Киеву
На добрых на конях богатырскиих,
На собе носить одежицу бы сменную,
Сменную одежицу-то каждый день,
Каждый день носить одежа снова-на́ново,
Снова-на́ново да что ни лучшая».
Говорит ему Дюк таковы слова:
«Просишь ты, Чурила Пленкович,
Бить со мною о велик заклад:
Как живешь ты в своем стольно Киеве,
Кладовыя-то полны одежицы наполнены;
А мое ведь дело есть дорожное,
Мое платье, стало, здесь завозное».
И ударил с ним Дюк Степанович о велик заклад
На три году поры-времени,
Чтоб проездить им по городу по Киеву
На добрых на конях богатырскиих,
На себе носить одежицу бы сменную,
Сменную одежицу-то каждый день,
Каждый день носить одежа снова-на́ново,
Снова-на́ново одежа драгоценная.
Тут Дюк Степанович, княженецкий сын,
Скорешенько садился на черленый стул,
Скоро он писал письма скорописчаты,
Писал-то он эты письма, запечатывал,
Полагал во сумки переметныя,
И выходил-то Дюк на широкий двор
К своему коню ко богатырскому,
Полагал он эты сумки переиетныя
Под славное седелышко черкасское

И отпущал добра коня да во чисто поле.
Пошел-то его добрый конь чистым полем
Во славную Индеюшку богатую.
Прибегает добрый конь на широкий двор,
На широкий двор на княженецкиий.
Усмотрели его Дюковы конюхи любимые,
Что прибежал-то добрый конь от Дюка Степановича,
И сказали его родителю-матушки,
Честной вдовы Настасьи Васильевной:
«Видно, нет жива Дюка Степановича».
Тут она скорешенько бежала на широкий двор,
Подходила ко добру коню,
Сама горько она заплакала,
И говорила-то она таковы слова:
«Мой любимый сын Дюк Степанович
Положил буйну головушку
На матушке святой Руси!»
И подходят к нему конюхи любимые,
И стали как добра коня расседлывать,
И под этыим седелышком черкасскиим,
На том на потницьке семишёлковом
Нашли оны сумки за печатямы,
Подают оны честной вдовы Настасьи Васильевной.
Берет она скоре́нько во белы руки,
Скоро-наскоро сумочки распечатала,
Она вскоре-то смотрела эти письма скорописчаты,
Весьма-то она дело взрадовалася,
Что жив-то ея любимый сын,
Дюк Степанович, княженецкий сын.
Приказала своим конюхам любимыим
Насыпать коню пшены белояровой,
Подносить велит свежей ключевой воды;
Сама скоренько шла в палаты белокаменны,
Брала-то она золоты ключи,
Шла она во погреба глубокие,
С собою брала-то оценщиков,
Оценщиков брала и разценщиков.
И складали, и укладали одежицу драгоценную
И дали сметы на три году поры-времени,

Всякой день носить одежда снова-на́ново,
Снова-наново одежда драгоценная.
Приказала своим конюхам любимыим
Седлать коня да богатырского:
Под седелышко черкасское
Полагали потничек оны шелковенький,
Шелковенький потничек не дёржаный,
И под этот потничек полагали письма скорописчаты,
И ко этому седелышку черкасскому
Привязали-то одежи драгоценныя,
И отпущали коня в стольно Киев-град.
Шел-то добрый конь чистым полем, — не замешкался,
Он скорешенько прибежал в стольно Киев-град
Ко князю ко Владимиру на широкий двор.
Выходил Дюк Степанович на широк двор.
От эвтого седелышка черкасского
Он снимает одежицу драгоценную,
Из-под потничка шелковенького
Вынимает он письма скорописчаты
От своей родителя от матушки,
От честной вдовы Настасьи Васильевны.
Пришел в палату белокаменну
И одел одежи драгоценныя.
И поехали по городу по Киеву
С молодым Чурилушкой Опленковым
На своих на добрых конях богатырскиих.
Стали оны ездить-то день за день,
День за день и още год за год,
Проездили поры-времени по три году,
Последний день поехали к заутрени Христосьския[4],
Молодой Чурилушка Пленкович
Надел-то он одежицу драгоценную:
Строчечка одна строчена чистыим серебром,
Другая строчена красныим золотом;
В пуговки воплетано по доброму по молодцу,
В петельки воплетано по красной по девушке:
Как застенутся, так обоймутся,
А расстенутся[5], и поцелуются.
Поглянул Владимир на праву руку

На молода Чурилушку на Пленкова,
Говорил-то Владимир таковы слова:
«Молодой Дюк Степанович, княженецкий сын,
Прозакладал все свое имение-богачество!»
А молодой Дюк Степанович, княженецкий сын,
Он одел одежицу драгоценную:
Строчечка строчена в одежице чистыим серебром,
Дру́гая строчена красныим золотом;
В пуговки воплетано по доброму по молодцу,
В петелки воплетано по красной по девушке:
Как застёнутся, так обоймутся,
А расстёнутся, и поцелуются;
На головушке у Дюка сделана шляпонька:
Спереду так введено красно солнышко,
И сзаду введён светёл месяц,
А на верховьице шляпы быдто жар горит.
Говорил ему тихий Дунаюшка Иванович:
«Ты Владимир, князь стольно-киевский!
Посмотри-тко теперь на леву руку:
Молодой Чурилушко Опленкович
Прозакладал свою буйную головушку».
Сели на добрых коней, поехали
По славному по городу по Киеву
И ко ласкову князю ко Владимиру.
Приехали оны на широкий двор,
И садилися за столики дубовые,
За этыя скамеечки окольныя,
Есть-то оны еествушки сахарния,
Испивать-то стали питьицев медвяныих.
Подходит-то Чурилушка Пленкович,
Подходит он к столикам дубовыим
В одной тонкоей рубашечке без пояса,
В одних тонкиих чулочиках без чоботов,
Говорил Чурилушка таковы слова:
«Что же ты, холопина дворянская, расхвастался
Своим великиим имением-богачеством?
Ударим-ка со мною ты в велик заклад,
Чтобы на своих на добрых конях богатырскиих,
Нам разъехаться с раздольица чиста поля

И скочить нам через матушку славную Непру-реку».
Молодой Дюк Степанович, княженецкий сын,
Говорит ему ведь таковы слова:
«Ай же ты, Чурила Пленкович!
Тобе просто бить со мною в велик заклад:
Как твой-ет богатырский конь
Стоит у своих у конюхов любимыих,
Ест-то он пшену белоярову,
Испивает свежу ключеву воду,
А мое-то есть конишечко дорожное,
Дорожное конишечко заезжено».
Тут его сердце приужахнулось,
Скоренько он бежал на широкий двор,
Пал-то он на стену[6] на лошадиную,
Сам-то он лежал да выговаривал:
«Ай же ты, мой добрый конь богатырскиий!
Не смею бить в велик заклад, закладаться,
Чтобы нам с Чурилушкой Опленковым
Скочить через матушку Непру-реку
На своих на добрых конях богатырскиих».
Прязычил ему добрый конь языком человеческим:
«Не убойся-тко страха, Дюк Степанович,
Бейся с ним в велик заклад:
Перенесу я через матушку Непру-реку
На своих на подложных крылах лошадиныих,
Не уступлю я братьям большиим,
А ие столько что братцу меньшему:
Мой больший брат у Ильи у Муромца,
А средний брат у Добрыни Микитинца,
А я третий брат у Дюка Степановича,
А четвертый уж брат у Чурилы Опленкова».
Тут он сшел в палату белокаменну,
И ударили оны во велик заклад,
И стали добрых коней заседлывать.
Молодой Дюк Степанович, княженецкий сын,
Сам выходил на широкий двор
И своими рукамы добра коня заседлывал,
Заседлывал он и улаживал.
И садился Дюк на добра коня

И поехали оны с молодым Чурилушкою Опленковым
По славному раздольицу чисту полю,
И поразъехались с раздольица чиста поля
Во всю-то оны поры лошадиную,
И скочили через матушку Непру-реку
На добрых на конях богатырскиих:
Молодой Дюк Степанович, княженецкий сын,
Скочил через матушку Непру-реку
На добром коне на богатырскоем
За целый за помах лошадиный
И за целую версту он за мерную;
И зглянул он на првую на ручушку,
Как нет подле него товарища
Молода Чурилушки Опленкова:
Чурила-то Пленкович посеред Непры приогрюшился
Со добрым конем со богатырскиим.
Молодой Дюк Степанович скорешенько поворот держал,
Через матушку Непру-реку повыскочил
И Чурилушку Опленкова за желты кудри повытащил
Из матушки из Непры-реки,
И посадил того Чурилу на крутой берег,
И говорил он Чурилы таковы слова:
«Ай же, Чурилушка Пленкович!
Не твое-то дело есть охвастати,
Да не твое дело бить о велик заклад,
А твое дело столько ходить тобе по Киеву,
По Киеву ходить тобе за бабамы».
И приехали оны в стольно Киев-град.
Тут Владимир-князь стольно-киевский
Стал посылать оценщиков
Во тую Индеюшку богатую,
Его Дюково имение описывать и оценивать.
Отправляют туда тихого Дунаюшку Иванова,
Во-вторых още Василья Казимирова,
А во-третьих смелого богатыря Алешеньку Поповича.
Сели оны на добрых коней, поехали
И приехали в Индеюшку богатую,
Ко Дюку Степановичу на широкий двор.
Не спущали оны коней на посыльный двор,

Ставили оны коней середи двора,
Пошли оны в палату белокаменну,
Оны Господу Богу помолилися,
Крест оны клали по-писаному,
Поклон-то вели по-ученому,
На все на три, на четыре на сторонки поклонялися.
Честной вдовы Настасьи Васильевной в особину:
«Здравствуешь, честная вдова Настасья Васильевна,
Дюкова Степанова матушка!»
Говорит она таковы слова:
«Не есть я Дюкова матушка,
А есть я Дюкова рукомойница».
Вошли оны во другой покой,
Опять низенько поклоняются:
«Здравствуешь, честна вдова Настасья Васильевна,
Дюкова Степанова матушка!»
Говорит она таковы слова:
«не есть я Дюкова матушка,
А есть я Дюкова портомойница».
Вошли оны во третий покой,
Опять низенько поклоняются:
«Здравствуешь, честна вдова Настасья Васильевна,
Дюкова Степанова матушка!»
Говорит она таковы слова:
«Не есть я Дюкова матушка,
А есть я Дюкова стольница».
Проводили их красныя девушки ко Дюковой матушки;
Поклоняются оны и удивляются:
«Здравствуешь честна вдова Настасья Васильевна,
Дюкова Степанова матушка!»
Ответ держит Дюкова матушка:
«Вы удаленькие дородни добры молодцы!
Не знаю вам имени, ни изотчины,
Вы зачем сюда приехали?
Знать, сиротского именьица описывать?»
Говорят оны таковы слова:
«Послал-то нас сам Дюк Степанович
Описать свое имение-богачество».
Кормила их еествушками саха́рними,

Поила их питьицами медвяными:
Чарочку выпьют, губы слипаются,
А другую выпьют, по третьей душа горит,
А четверта чарочка с ума вон нейдет.
Повела их она во погреба глубокие,
Посадила ко сбруи лошадиной описывать и оценивать.
Описывали оны, оценивали
Эту сбрую лошадиную ровно три года,
По три года оценивали и по три дни, —
Не могли оценивать этой сбруи лошадиныя.
Повела их она на погреба глубокие
Описывать-оценивать имение-богачество.
Тут бочки висят чиста серебра,
А дру́гия висят красна золота,
А третьи висят скатна жемчуга.
Эты мужики-оценщики
Не могут оны сметы дать,
Описать того имения-богачества.
Тут писалы оны в стольно Киев-град
Ко славному ко князю ко Владимиру:
«Ты славный Владимир, стольно-киевский!
Продай-ко свой стольно Киев-град
На эты на бумаги (на гербовыя)
Да на чернила-перья продай още Чернигов-град,
Тогда можешь Дюково имение описывать».

(Записано П. Н. Рыбниковым со слов Рябинина Т. Г., Кижи)

Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, изд. 2, т. 1, Москва, 1909.

1 От худоба, небольшое хозяйство, имение; художество здесь то же самое, что в других былинах «животишки сиротские».
2 Загадки отгадывать — загадать загадки.
3 Порученки — перила.
4 Заутреня в 1-й день Пасхи у заонежан называется Христоською, а у пудожан Воскресенскою.
5 Застегнутся, расстегнутся.
6 На стегну.